

УДК 329

В. П. Милецкий

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Рассматриваются системные, сферальные и структурные предпосылки становления социального государства в условиях постсоветской модернизации России. Освещается периодизация процесса становления социального государства в современной России и выделяются особенности основных ее этапов.

**Социальное государство, системные, сферальные и структурные предпосылки
социального государства, постсоветская модернизация России, периодизация
эволюции социального государства в современной России, правящий
политический «тандем»**

Как известно, в 1980-е гг. была сформирована и до самой кончины Советского государства функционировала авторитарная модель социального государства, в котором роль политического гаранта исполняла КПСС. Согласно ст. 6 Конституции СССР правящая партия не только определяла линию внешней и внутренней политики страны, но также непосредственно разрабатывала и организовывала исполнение социальной политики, высшей целью которой декларировался «неуклонный рост благосостояния советского народа, всестороннее и гармоничное развитие личности». После кончины советского социализма и демонтажа союзного государства в декабре 1991 г. был также нанесен непоправимый ущерб и авторитарной модели социального государства, на «руинах» которой в России начались известная «Гайдарошоктерапия» и современная постсоветская модернизация. В этих условиях одной из ключевых задач суверенной России по воле народного большинства, выраженной на референдуме 12 декабря 1993 г. и закрепленной в новой Конституции РФ, стало формирование национальной модели социального государства.

На сегодняшний день уже двадцать три года в стране действует основной закон социально-правового государства. Однако за прошедшие годы в полной мере не сформированы не только сам институт социального государства, но даже его системно-формационные основания и другие предпосылки. Дело в том, что адекватной формационной основой государства благосостояния выступает супертехнотронная система (З. Бжезинский) или постиндустриальное общество (Д. Белл), которое складывается на переходе к посткапитализму, становясь системно-формационным каркасом социального государства или его несущей конструкцией.

Подсистемами постиндустриального общества являются многосекторное социальное рыночное хозяйство, основанное на информационно-технологическом способе производства, развитая социальная сфера и демократическая политическая система. Поэтому, как показывает мировой опыт, даже для «классического капитализма музеиных образцов» социальное государство является «инородным телом», ибо на фундаменте частнокапиталистической рыночной системы даже при классической буржуазной демократии оно не может нормально сформироваться и полноценно функционировать.

Если системно-формационные основания выступают совершенно необходимыми исходными предпосылками становления социального государства, то достаточными условиями для этого являются сферальные и структурные предпосылки. Сферальными предпосылками выступают многосекторное социальное рыночное хозяйство, основанное на информационно-технологическом способе производства, развитая социальная сфера и демократическая политическая система. Что же касается структурных предпосылок, то к ним относится, прежде всего, ядро политической системы постиндустриального общества – правовое демократическое государство, в рамках которого обеспечиваются собственно социальные права и свободы человека. Наряду с этим формируются и многие другие институциональные, процессуальные и иные структурные предпосылки государства благосостояния. Речь идет о конкурентной многопартийной системе, институтах гражданского общества, а также о политико-идеологическом плюрализме и других демократических элементах политico-правовой надстройки.

На основании вышенназванных объективных предпосылок складываются и начинают функционировать все основные компоненты социального государства как системного образования. К ним относятся следующие: социальные субъекты и институты государственной и муниципальной власти, нормативно-правовые установления (основной закон социального государства, социальный кодекс и многие другие нормативные правовые акты), доктринальные и политико-культурные компоненты, наконец, полный политико-управленческий цикл разработки и реализации адресной и активной социальной политики в интересах всех основных групп населения страны. Этот цикл включает в себя «дерево целей», принципы, методы и технологии политико-управленческого воздействия на социальную сферу общества, а также всю совокупность политико-управленческих практик воздействия на «социалку», связанных с неуклонным следованием требованиям принципов социальной политики на практике и обеспечением высокой эффективности и результативности социальной политики. Сформированность такого системного содержания выступает достаточным условием для эффективного функционирования социального государства на практике в любой стране, включая современную Россию.

Чтобы понять, насколько в современной России сформированы все вышенназванные предпосылки, уместно для начала уточнить специфику социального государства. Для этого стоит напомнить, что концепция социального государства зародилась в середине XIX в. (Лоренц фон Штайн) и разрабатывалась поначалу только немецкими социологами. После Первой мировой войны в Веймарской Германии в основном законе страны новое немецкое государство было названо социальным и правовым (1919 г.), что обусловило дальнейшее развитие самой теории. В 1930 г. наряду с немецкими терминами «Sozialstaat» и «Wohlfahrtsstaat» в научный оборот было введено понятие «социальное правовое государство» (Г. Геллер), которое обеспечивает право гражданина на социальные гарантии со стороны правительства.

Констатация правовой природы социального государства фактически означает закрепление за правительством его социальных функций, которые не просто получают правовое обоснование, но становятся приоритетными во всей его управленческой деятельности. Они обуславливают политическую природу правового государства, его социальные обязанности и роли. Правовой фундамент придает социальным функциям обязательный характер, превращает их в неотъемлемую часть функциональной деятельности правительства и обуславливает окончательную передачу ключевых социальных функций институтам государственной и муниципальной власти. В порядке участия в разработке данной проблематики в 1941 г. У. Темпль ввел в научный оборот в англоязычной политической социологии термин «Welfare State» в

качестве синонима немецких выражений «Sozialstaat» и «Wohlfahrtsstaat». В результате наряду с теорией социального государства в англоязычных странах получила развитие концепция государства благосостояния, или всеобщего благоденствия.

Классиком теории государства благосостояния является Томас Маршалл. Заметный вклад в развитие этой теории внесли Коста Эспин-Андерсон, Тимоти Тилтон, Норман Фернис и другие авторы. Определенный интерес представляет попытка последних авторов в 1977 г. уточнить смысл понятия «государство благосостояния» и классифицировать его. Они выделили три его разновидности. Первой является так называемое «позитивное государство социальной защиты», или либеральная модель, которая основана на индивидуализме и охране корпоративных интересов. Оно не гарантирует всем гражданам высокий уровень благосостояния, а обеспечивает только равенство социальных шансов.

Второй разновидностью выступает «государство социальной безопасности» (Social Security State). Оно проводит сбалансированную социальную политику, обеспечивает, по возможности, полную занятость и всем гражданам – получение доходов не ниже прожиточного минимума, а также гарантирует равенство стартовых социальных условий, но не материальное равенство граждан. Оно является «благородной версией либерального идеала» и поэтому носит название консервативной модели социального государства.

Наконец, третьей разновидностью является «социальное государство всеобщего благосостояния» (Social Welfare State), или социал-демократическая модель. Оно базируется на принципах социального равенства, солидаризма, корпоративизма и вытесняет обычные программы социальной помощи деятельностью многочисленных постоянных государственных институтов и общественных социальных служб, обеспечивающих полную занятость, сглаживание различий в доходах, сотрудничество с профсоюзами и другими организациями – представителями интересов наемных работников.

По мнению авторов, первая разновидность государства благосостояния действует в США, вторая – в Великобритании, третья – в Швеции [1]. Наряду с вышеназванными различиями перечисленных моделей существует ряд индикаторов и критериев, по которым отличаются друг от друга либеральная, консервативная и социал-демократическая модели социального государства, среди которых приоритетными являются следующие:

1. Масштабы защиты населения от стихийных рыночных сил и недостаточного (низкого) уровня доходов населения.
2. Масштабность социальных прав и социальной поддержки наиболее уязвимых и бедных социальных групп населения.
3. Удельный вес частных (негосударственных) ассигнований (расходов), направляемых на страхование, пенсионное обеспечение, медицинскую страховку и другие социальные нужды населения, и соотношение этой доли с официальными выплатами из бюджета.
4. Масштабы индивидуального или коллективного финансирования социальных программ и нужд, включая индивидуальные и коллективные вклады людей в социальном государстве.
5. Масштабы, в которых система социального обеспечения дифференцирована и организована по различным профессиональным группам и группам социального риска, включая социальные риски, связанные с безработицей, старостью, болезнями и др.
6. Емкость фондов перераспределения социальной политики, складывающихся из налоговых поступлений и доходов в фонды социального страхования от предпринимателей и предприятий.
7. Масштабы гарантий и обеспечения полной занятости населения.

В теоретическом отношении следует отметить, что при всей актуальности и значимости различий между немецкими понятиями «Sozialstaat» и «Wohlfahrtsstaat», с одной стороны, и английским термином «Welfare State», с другой, думается, что они имеют близкий смысл и характеризуют социальное государство как макроинститут политico-правовой надстройки общества. Опыт зарубежных стран показывает, что во всех этих случаях речь идет о государстве, которое при достижении высокого уровня индустриального развития под воздействием социальных движений трудящихся, профсоюзов, левых партий и других факторов признает приоритетный характер социальных прав человека и принимает на себя ответственность за социальную защиту и социальное обеспечение своих граждан. Одновременно оно посредством деятельности специально создаваемых институтов начинает обеспечивать граждан социальным страхованием, занятостью, безопасными условиями труда, бесплатным образованием, здравоохранением и мн. др.

Таким образом, социальное государство есть макроинститут политico-правовой организации и функционирования институтов государственной, муниципальной власти и гражданского общества, обеспечивающий защиту социальных прав человека и реализацию социальных интересов основных групп населения посредством разработки и осуществления социальной политики, базирующейся на принципах социальной справедливости, солидаризма, партнерства, выравнивания и осуществляющей регулирование всех компонентов социальной сферы общества в целях повышения благосостояния населения и повышения уровня и качества жизни людей. Политика социального государства снимает отчуждение людей от политической власти и через институты политической системы и гражданского общества обеспечивает их участие в разработке и реализации различных социальных проектов и программ развития общества.

Социальное государство создается на основании совокупности многообразных правительственные, муниципальных и негосударственных институтов, принимающих непосредственное участие в разработке и осуществлении активной социальной политики, направленной на эффективное управление социальной сферой. С помощью такой политики социальное государство проявляет свою активную роль в регулировании социальной сферы и, как подчеркивается в ст. 7 Конституции Российской Федерации, обеспечивает условия для «достойной жизни и свободного развития каждого человека».

Мировой опыт свидетельствует, что процесс формирования социального государства идет поступательно и поэтапно по мере создания системно-информационных, сферальных и структурных предпосылок. Останавливаясь на этом вопросе подробнее, отметим, что в России постсоветская модернизация разворачивалась также поэтапно, но весьма противоречиво и непоследовательно. Поэтому пока так и не получилось создать полноценные информационные основы, сферальные и структурные предпосылки социального государства.

На первом – «Ельцинском» – этапе в России в 1990-е гг. реформы сразу пошли не так и не в том направлении. Не только окончательно был демонтирован советский социализм, но и развалено союзное государство (СССР). Справедливости ради стоит сказать, что наследие советской фазы давало шанс на подготовленном развитым социализмом фундаменте после демонтажа государства совершить рывок вверх и вперед по информационной лестнице в постиндустриальной системе. Но вместо этого в рамках открывшегося в эти годы очередного переходного периода младореформаторы посредством «Гайдарошокотерапии» по указке из-за океана столкнули страну вниз и обратно в совершенно другом фор-

мационном направлении. Основной вектор дальнейшего развития страны претерпел коренное изменение. В России в результате гайдаровских реформ была выращена периферийная модель криминально-олигархического капитализма, не имеющая ничего общего с современной постиндустриальной системой. По справедливому утверждению академика Г. А. Осипова, младореформаторы вырастили «общество, к которому никто не стремился и которого никто не хотел» [2, с. 145]. Фигурально выражаясь, на формационной «лестнице» этот социальный мутант занял «ступеньку», находящуюся значительно ниже даже советского развитого социализма, и превратил Россию в сырьевой периферийный придаток развитых стран постиндустриального мира.

Базисные структуры периферийной модели криминально-олигархического капитализма были заложены еще в 1992 г. и обусловили плачевые социально-экономические результаты. Если при советском развитом социализме все-таки была сформирована авторитатическая модель социального государства, в условиях которой граждане обеспечивались бесплатным средним и высшим образованием и здравоохранением, бесплатным жильем и другими социально значимыми благами из Фондов общественного потребления, то в условиях криминально-олигархического капитализма периферийного типа все кардинально изменилось в худшую сторону. Все основные результаты функциональной деятельности авторитатической модели советского социального государства были утрачены, и фактически страна в условиях «Ельцинского этапа» в ускоренном порядке «проедала» наследие советского периода.

В результате модель криминально-олигархического капитализма периферийного типа стала одной из худших формационных «оболочек» не только для формирования современной модели социального демократического правового государства, но даже для проведения минимальной социальной политики. Более того, в выращенной в «лихие 90-е» экспортно-сырьевой модели квазирыночной экономики, основанной на частнокапиталистическом секторе, не было и намека на равновесное многосекторное социальное рыночное хозяйство, а социальная структура общества приобрела классово-антагонистический характер, в ней разрыв между бедными и богатыми по основным стратификационным критериям намного превосходил все пороговые показатели. При этом по соотношению высшего, среднего и низшего классов социальных страт, а также уровню жизни большей части населения Россия недалеко ушла от стран третьего мира. Не лучшим образом на «Ельцинском» этапе обстояло дело и с формированием структурных предпосылок социального государства, в особенности институтов гражданского общества.

Справедливости ради стоит упомянуть принятую правительством В. С. Черномырдина в конце 1996 г. известную «Программу социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 гг.», которую с полным основанием можно считать первой серьезной комплексной целевой программой формирования основ и ключевых элементов российской модели социального государства. Поэтому сам факт ее издания и введения в действие весьма знаменателен [3]. Как известно, в тексте программы было записано, что «реформы в социальной сфере будут проводиться в тесной увязке с экономическими преобразованиями». Но уже через две недели после опубликования этой программы кабинет В. С. Черномырдина был по воле «серого канцлера» Кремля Б. А. Березовского и без видимых причин отправлен в отставку, а новое правительство во главе с С. В. Кириенко не только не предпринимало никаких мер по реализации этой программы в увязке с экономическими реформами, но просто похоронило его после известного дефолта 17 августа 1998 г.

Поэтому во исполнение конституционных принципов для создания формационного фундамента социального государства была нужна настоящая системная модернизация российского общества, которая позволила бы одновременно с формационными основаниями сформировать сферальные предпосылки для социального государства, к которым относятся социальное рыночное хозяйство, современная социальная сфера, развитое гражданское общество и демократическая политическая надстройка общества.

Известные перемены в формировании комплекса институциональных, нормативно-правовых, процессуально-управленческих компонентов системы социальной политики российского государства начались 31 декабря 1999 г. после отставки Б. Н. Ельцина, прихода к власти В. В. Путина и открытия второго – «Путинского» – этапа в формировании российской модели социального демократического правового государства. Глава государства в нулевые годы в рамках первого президентского отрезка (2000–2008 гг.) придал «второе дыхание» стратегии постсоветской модернизации России. В рамках «восстановления управляемости страны и государственности» он не только равноудалил и «построил» олигархов, «нарезал» новые федеральные округа, но и начал масштабные административные и политико-правовые реформы, включая создание вполне эффективной «вертикали исполнительной власти». В связи с этим на Западе даже заговорили об «авторитарном откате» или «политических заморозках», как будто бы у В. В. Путина в начале нулевых годов были другие способы преодолеть системный кризис общества, остановить «парад суверенитетов» и центробежные тенденции в Российской Федерации.

С осени 2004 г. в администрации В. В. Путина социальную проблематику начал курировать Д. А. Медведев, инициировавший осуществление приоритетных национальных проектов «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Образование» и «Здоровье». После его избрания главой государства в марте 2008 г. в стране сложился новый беспрецедентный для России политический институт – правящий «тандем», в рамках которого молодой руководитель не стал дальше усиливать «вертикаль», но приступил к известной «разморозке» режима власти, инициировал издание и введение в действие закона о противодействии коррупции, реформировал милицию в полицию, приступил к гуманизации уголовного законодательства и др.

Более того, в порядке российского ответа на вызовы глобального финансово-экономического кризиса (2008–2009 гг.) в своей статье «Россия, вперед!», вышедшей в свет в сентябре 2009 г., новый лидер выдвинул идею системной модернизации российского общества на принципах конституции и ценностях демократии. По его мнению, только по-настоящему системная модернизация страны способна обеспечить эволюционную трансформацию устаревшего общества в более прогрессивную формационную систему, способную в будущем обеспечить безопасность страны и надежно защитить ее от превратностей глобальных потрясений. Такая модернизация должна быть направлена на расширение социального пространства свободы, чтобы основные права и свободы были защищены государством [4]. Некоторые эксперты заговорили о новом – «Медведевском» – этапе постсоветской модернизации России, который породил некоторые надежды на скорое избавление российского общества от известных «нажитков» и социальных язв криминально-олигархического капитализма.

Данное обстоятельство обеспечило реформам не только поддержку общественного мнения, но и обусловило неоднозначные процессы в правящем классе, проблемы в бизнес-

сообществе, других сегментах общества и вылилось в известную дестабилизацию и даже наметившийся раскол правящего политического класса в начале 2012 г. Ситуация начала выходить из-под контроля власти, справиться с которой смог только В. В. Путин, который после нового его избрания главой государства в марте 2012 г. приступил к серьезной корректировке внутренней и внешней политики. Поскольку в общественном мнении созрел к тому времени вполне определенный запрос на обуздание «болотной стихии» и восстановление стабильности и предсказуемости, постольку В. В. Путин взял курс на «закручивание гаек».

Этот курс стал также востребованной общественностью реакцией власти на подрывные действия внесистемной оппозиции, вынашивавшей вместе с Госдепом США известные планы по дестабилизации страны. Открылся в определенной мере качественно определенный временной отрезок в условиях «Путинского этапа», в рамках которого начал набирать силу новый стратегический тренд, направленный на преодоление раскола правящего политического класса и его консолидацию. В связи с этим В. В. Путин отмечал, что хотя изменения и модернизация страны естественны и необходимы, но платить «за каждую перемену разрушением самого государства недопустимо» [5]. В этом отношении благодаря принятым мерам удалось избежать повторения в России украинского сценария (2014 г.), не допустить дестабилизации общества, эскалации социально-политических конфликтов и другие негативные события.

Далее, после того как удалось справиться с деструктивными процессами и восстановить утраченную стабильность, открылась новая страница в формировании структурных предпосылок российской модели социального государства. Речь идет о принципиальной позиции главы государства, выраженной в его известных майских (2012 г.) социальных указах. Согласно этим указам предписывалось осуществить масштабные преобразования в социальной политике государства, добиться существенного повышения трудовых доходов работников бюджетной сферы и других трудящихся. Принятые во исполнение меры позволили не только смягчить последствия западных санкций, но и не допустить сокращения исполняемых государством социальных обязательств и программ. С 1 февраля 2016 г. на 4 % были индексированы пенсии всем неработающим пенсионерам. В 2017 г. помимо предусмотренной законом индексации пенсий запланированы единовременная выплата всем пенсионерам в размере 5000 р. и другие социальные меры.

Весомым шагом в этом отношении стала комплексная программа социально-экономических реформ, изложенная 1 декабря 2016 г. в тринадцатом Послании президента В. В. Путина к Федеральному собранию России. В Послании отмечается, что, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, в последние 10 лет удалось заметно повысить суммарный коэффициент рождаемости, сократить младенческую смертность, в 15 раз увеличить объем высокотехнологичной медицинской помощи населению, провести назревшие реформы в сфере здравоохранения, среднего и высшего образования, добиться высоких показателей в строительстве нового жилья и др. В Послании глава государства подчеркнул, что «смысл нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России». В рамках этой политики, по мнению президента, следует продолжать «изменения в социальной сфере, чтобы она становилась ближе к людям, к их запросам, была более современной и справедливой» [6].

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что в Послании меры по совершенствованию государственной социальной политики тесно увязываются с задачами рефор-

мирования экономической сферы общества. Впервые было сказано, что «главные причины торможения экономики кроются, прежде всего, в наших внутренних проблемах», среди которых главенствующими являются дефицит инвестиционных ресурсов, современных технологий и профессиональных кадров; недостаточное развитие конкуренции и изъяны делового климата, без решения которых невозможно обеспечить трансформацию экспортно-сырьевой модели квазирыночной системы в социальное рыночное хозяйство [6]. Тем самым постулируется необходимость тесного единства экономической и социальной политики как обязательного условия успешного решения задач совершенствования социальной сферы и формирования современной модели социального государства.

Разумеется, в Послании президента были откровенно названы все основные проблемы социальной сферы страны. Речь идет о некоторых «перегибах» на местах, выразившихся в известной «оптимизации» сфер здравоохранения и высшего профессионального образования, получивших негативную оценку со стороны медиков и профессорско-преподавательского состава вузов. Не секрет, что в некоторых регионах страны из-за девальвации рубля, инфляции, продолжающихся западных санкций, включая падение мировых цен на углеводороды, произошло не только снижение доходов и уровня жизни всех групп населения, в особенности – малообеспеченных граждан, но и усилилась социальная дифференциация между бедными и богатыми [7].

Для преодоления подобного рода негативных тенденций руководство страны в порядке противодействия западным санкциям не только предприняло меры по организации российских «антисанкций», но и начало импортозамещение, диверсификацию и структурную перестройку экономики, чтобы в перспективе обеспечить назревшие сдвиги в трансформации экспортно-сырьевой модели квазирыночной системы в социальное рыночное хозяйство. Поэтому стоит напомнить, что начавшийся в нынешних условиях выход из затяжного системного кризиса, обозначившаяся тенденция стабилизации и «очагового» экономического роста создали условия для перехода к конкретному и адресному решению многих социальных задач посредством комплексных целевых программ. Такой переход вместе с тем выступает и новым периодом в осуществлении модернизации России и развертывании процесса формирования социального государства и его социальной политики. Последняя постепенно приобретает характер превентивной (упреждающей) и адресной социальной политики, в которой решение самых разнообразных экономических и социальных проблем увязано в единый комплекс и создает возможности для получения запланированных результатов.

Вместе с тем не будет преувеличением говорить о том, что на сегодняшний день в России пока еще не созданы как необходимые системно-формационные основания, так и достаточные сферальные и структурные предпосылки социального государства. В особенности это касается учреждений, политико-управленческих практик, процедур и механизмов функциональной деятельности социальных субъектов и институтов государственной и муниципальной власти, осуществляющих активную и адресную социальную политику в регионах и на местном уровне. Без этого официальная риторика региональных и местных властей о приверженности принципам и идеалам социального государства подчас остается лишь декларациями о намерениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осипов Г. В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 208 с.
2. Медведев Д. А. Послание Президента Федеральному собранию РФ // Рос. газ. 2011. 23 дек. URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 12.12.2016).
3. Российская газета. 1997. 12 марта.
4. Медведев Д. А. Россия, вперед! URL: <https://rg.ru/2009/09/11/medvedev-statia.html> (дата обращения: 12.12.2016).
5. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию РФ // Рос. газ. 2012. 13 дек. URL: <https://rg.ru/2012/12/13poslanie.html> (дата обращения: 12.12.2016).
6. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию РФ // Рос. газ. 2016. 2 дек. URL: <https://rg.ru/2016/12/09/poslanie-prezidenta-rf-vyzvalo-rekordno-vysokij-interes.html> (дата обращения: 12.12.2016).
7. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. 320 с.

V. P. Miletskiy

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

THE WELFARE STATE: MAIN PRECONDITIONS AND STAGES OF THE DEVELOPMENT IN POST-SOVIET RUSSIA

System, sphere and structural preconditions of the development of the welfare state in the context of post-Soviet modernization of Russia are considered. Periodization of the process of the development of welfare state in modern Russia is covered and peculiarities of its main stages are considered.

Welfare state, system, structural preconditions of the welfare state, Russia's post-Soviet modernization, periodization of the evolution of the welfare state in modern Russia, the ruling political «tandem»

УДК 316.6

Н. В. Казаринова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ

Рассматриваются основные положения и аналитические модели теории координированного управления смыслообразованием, позволяющие проблематизировать аспекты межличностной коммуникации, не попадающие в область теоретического интереса иных концепций.

Межличностная коммуникация, теория коммуникации, теория координированного управления смыслообразованием

Изучение межличностной коммуникации уже давно оформилось в самостоятельную область знания. Обращаясь к данным, полученным психологией личности и социальной психологией, социолингвистикой, социологией и культурной антропологией, исследователи межличностной коммуникации интерпретируют их, решая свои собственные теоретические и практические задачи. Дисциплинарная самостоятельность этой области знания